

Ильязд машинально положил монету в протянутую руку, вступил на мост, посмотрел на огни набережной, провел рукой по лбу и сказал вслух: «Да, ее надо взорвать, это единственный выход». Тотчас он вспомнил о разговорах, что Айя София минирована и что духовенство готовилось в случае поползновения греков при вступлении в Константинополь отправить ее на воздух. Тогда не отправили, теперь отправим. И этот вывод, добравшийся до него после столького бреда, во время незаметно протекшего путешествия от дома, упал на него откровением. Идея. Подумать только, как это упрощает обстоятельства! Ни русского восстания, ни дурачеств Озилио, ни мессии, сочетающегося с Софией, которую он, мессия, так ненавидит. Отправить строение на воздух. Боже, до чего это было придумать! И, однако, какой невероятный путь он совершил, прежде чем дойти до этого! И до чего он устал.

Неожиданно его существование наполнилось новым смыслом. Вот только что он шел, сам не зная куда и зачем, а теперь знал отлично, куда идет и зачем, теперь у него была цель, точна и проста, и шаги его твердыми и голова его иначе посаженной, и преисполнен он был сознанием своего предназначения.

И подумать только, из-за чего, в конце концов, была невероятная сия канитель. Из-за какой-то постройки, из-за архитектуры, из-за камней, из-за вещественного предмета, как будто можно жертвовать жизнями ради чего-нибудь, кроме идей. Потом он остановился и переспросил: из-за идей? – и рассмеялся. Как будто идеи не являются только ширмами. И продолжал путь.

И неожиданно он подумал о Хаджи-Бабе с его любовью к Софии, как он любил бы всякую другую мечеть под боком и которой жил бы, о его гордости сиренью, цветущей за оградой, и ему стало досадно и неприятно. То, сколько народу погибнет во время катастрофы, об этом он не подумал. А вот огорчить Хаджи-Бабу ему казалось невыносимо тяжелой обязанностью. Как быть, как отискать выход? Предупредить его, постараться разъяснить, в чем дело, заставить его согласиться! Но разве Хаджи-Баба может внимать доводам? Разве это философия?

– в конечном счете одна и та же – проклятый круг, из которого не выдет, скажем, что-нибудь его сердцу или вообще сердцу.

Задней улочкой, ничего не отвечая на ворчание часовых, Ильязд добрался до бывшей своей каморки. Кофейни были освещены, и слышались издали знакомые голоса. Ильязд прокрался вдоль стен, толкнул дверь, оказался в бывшей столовой, поднялся на чердак. На постели сидел Хаджи-Баба и при свече усиленно починял одни и те же бессмертные шаровары. Ильязд сел рядом с ним и заплакал.